

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

ЗАЯЦ

Николай Георгиевич Гарин- Михайловский Заяц

Аннотация

«— А так можешь?

И рябой мальчик в рубашке, в штанах, застегнутых одной большой солдатской пуговицей, босой и с животом, торчащим вперед, быстро отвернул оба века кожей внутрь, мясом вверх и смотрел страшными кровавыми глазами на гимназиста...»

Содержание

Отрывок первый	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Николай Гарин- Михайловский Заяц

Отрывок первый

– А так можешь?

И рябой мальчик в рубашке, в штанах, застегнутых одной большой солдатской пуговицей, босой и с животом, торчащим вперед, быстро отвернул оба века кожей внутрь, мясом вверх и смотрел страшными кровавыми глазами на гимназиста.

Маленький гимназист, пригнувшись, впился в искаженное лицо мальчика.

– Эх-ма! – крикнул мальчик и в то же мгновение, опрокидываясь то на руки, то на ноги, пустился колесом по улице. А возвратился он на руках, запрокинув далеко назад ноги.

Гимназистик с блаженной улыбкой, шаркая ногами, шел к нему навстречу. Мальчик вскочил на ноги, нетерпеливо подтянул спускавшиеся штаны, подтянул носом и досадливо оглянул растерянно напряженную, улыбающуюся фигурку гимназиста.

– Домой, что ль, с ученья идешь?

– Что тебе надо? Говори мне вы, – с усилием смущенно ответил гимназист.

– Вы – ваше благородие? А так можешь?

Мальчик состроил молниеносную гримасу и вдруг, хлопнув изо всей силы гимназиста кулаком по лицу, крикнул ему диким взбешенным голосом:

– А так можешь?

У гимназиста искры посыпались из глаз. Ужас, страх, стыд сразу овладели им, и он хотел в одно время и бежать и броситься на привязавшегося к нему уличного мальчика. Обида взяла верх, и он было бросился уже на мальчика. Но тот, пригнувшись, так решительно ждал его, такими злыми глазами впился, что гимназист вдруг повернулся и пустился бежать.

А вслед ему радостно и злобно кричал уличный мальчик:

– Держи его, держи! А-ту!

И, надув щеки, вставив по два пальца с каждой стороны рта, он пронзительно свистал.

Добежав до угла, гимназист свернул в боковую улицу и пошел шагом.

«Тут никто не видел», – мелькнуло в его голове.

Он осторожно потрогал битую щеку и посмотрел на свои пальцы: крови не было.

«Может быть, все это мне только снится», – подумал гимназист и, обратившись к стоявшему извозчику, сказал:

– На дачу Телепнева двадцать копеек.

– Мало, – ответил извозчик.

Мало? А гимназисту казалось, что много и даже очень много, и он решительно не был уверен, найдется ли дома двадцать копеек, чтоб заплатить извозчику.

– Ну, все равно... – махнул рукой извозчик и сел на козла, приглашая гимназиста. Он поехал тихой, ленивой рысью, и гимназист то мучился мыслью о случившемся, то тем, найдется ли дома двадцать копеек, чтоб заплатить извозчику. Но как же иначе было ему поступить?

Пришлось поворачивать и ехать опять по той же улице, и гимназист замер, когда опять увидел босого мальчика с сальной, как блин, на затылок сдвинутой шапкой.

Мальчик лениво возвращался, оглядывая улицу.

Глаза гимназиста и мальчика на мгновение встретились, и гимназист торопливо стал смотреть в сторону, а мальчик, схватив камень, пустил его в гимназиста.

Камень попал в спину, но гимназист даже не оглянулся. Мальчик еще и еще бросал, но остальные камни пролетали мимо.

«И единицу сегодня получил», – мелькнуло в голове гимназиста. И еще мучительнее заняло его сердце. Если б вдруг забыть все, все... умереть или крепко, крепко заснуть, чтоб ни о чем не думать, чтоб уже приехать домой и уже заплатить извозчику и спать, спать...

«Ах, о чем бы мне теперь думать таком, чтоб забыть все? О голубях!! Я выпущу сегодня голубку. А вдруг она улетит? Не может быть: теперь она уже сидит на яйцах».

Он радостно вспомнил, как однажды, когда он гонял своих голубей, вдруг пристала к ним сизая голубка – чужак; как кружилась она с ними и с ними же опустилась сперва на крышу сарая, а потом вместе со всеми вошла в голубятник. Он притаился и замер, и только, когда скрылась она, бросился и захлопнул дверь голубятни. Два месяца прошло, а и до сих пор его сердце радостно бьется при воспоминании. Теперь она села на яйца, и он добился того, что, не вставая с гнезда, она ела с его руки зерна. В эти мгновения он переставал даже дышать, чтоб не испугать как-нибудь голубку.

У него было штук десять голубей: были и трубачи и турмана, пара египетских была, но больше других любил он простую дикую голубку. И всегда ее будет любить, и сегодня он выпустит ее в первый раз полетать, и вся история с мальчиком будет таким пустяком.

Успокоившись, он подумал: и наверно, этот мальчик просто сумасшедший.

– Ну, вот и приехали: только скорее деньги высылайте.

Приехали! Сразу все вспомнилось: и единица, и мальчик, и что хуже всего, извозчик!

Долго не отворяли, и отворила сама мать.

Красивая у него мать или нет? Он любит мать, когда она не беременна и не такой большой живот, когда она причесывалась и ее волосы волнами падали по бокам от прямого раздела. Раз, когда мать думала, что никого нет, она подняла юбки и он увидел ее тело, и с тех пор он постоянно вспоми-

нает об этом.

– Почему ты на извозчике приехал?

– У меня так болит голова, что я насилу стою... Ему надо заплатить двадцать копеек.

Он думал, что не выговорит, на мать не смотрел. Он знал, что, если у матери деньги есть, она даст их... Он надеялся, что все-таки у нее найдутся.

– Я вышлю, – сказала мать.

У сына отлегло от сердца, но голос матери был встревоженный, и тревога передалась сыну: наверно, последний двугривенный.

Они обходили двором, чтоб пройти с заднего крыльца в дом. Мать шла впереди, опустив голову – маленькая, с большим животом, тяжело, как утка, переваливаясь на ходу с боку на бок.

Сын шел за матерью и по затылку читал ее мысли: она думала, откуда теперь достать ей денег. До двадцатого, когда отец получает свое жалованье, еще десять дней. А вдруг откуда не достанет? тогда что ж? Голодная смерть?

– Спрашивали?

– Нет...

– Отчего же у тебя голова разболелась?

– Не знаю... так... Сначала есть хотелось, а потом и заболела голова.

– Есть хочешь?

– Нет, теперь подожду обеда.

Они вошли в маленькие темные сени, а оттуда в большую комнату с дешевыми голубыми обоями, внизу порванными, испачканными, с темными пятнами от сырости.

Вдоль стен стояло четыре детских кровати. Дети были дома.

Самая маленькая на руках у молодой кормилицы, смуглой, черноглазой, с густыми сросшимися бровями. Кормилицу звали Варварой. Она была всегда веселая, ласковая, и дети ее очень любили.

Теперь она сидела на табуретке и вынимала, чтоб кормить, свою большую полную грудь.

– Агаша, отнеси деньги извозчику.

Грязная девочка лет тринадцати, худенькая, босая, с приподнятой юбкой, выглянула из другой комнаты, бросила тряпку, которой мыла пол, и, осторожно взяв двугривенный, на носках прошла в сени.

У Агаши нос был все еще красный, и она все еще сердилась. Прежде у нее под носом росла тонкая длинная бородавка. Как-то на днях, по совету кормилицы, когда Агаша спала на сундуке, Петя привязал толстой суровой ниткой Агашину бородавку, другой конец нитки прикрепив к замку сундука. Потом он крикнул громко над ее ухом:

– Агаша!

Агаша вскочила, бородавка оторвалась, но пошла кровь. Агаша испугалась и плакала. На другой день нос у нее распух, и с тех пор она сердилась на Петю.

Варвара упрекала ее:

– За что сердисься на мальчика? Будешь красивая теперь...

Петя, не раздеваясь, присел и устало смотрел перед собой.

В углу возились за мытьем котенка трое детей – две девочки и мальчик. Мальчик Федя мимоходом сказал, заметив брата:

– Петя пришел.

На что постарше его сестра Маня ворчливо ответила ему:

– Половину воды расплескал.

Петя сказал сестре:

– А тебе жалко воды? Хочешь, я подарю тебе всю воду из колодца.

– Ах, как умно, – огрызнулась Маня.

Но Феде понравилось, и он так захохотал, что другая, меньшая его сестренка, Оля, начала тоже смеяться.

Сосавшая грудь девочка бросила сосать и, положив пухлую ручонку на грудь кормилицы, откинулась и во все глаза смотрела на смеявшихся.

– Смотрите, смотрите, – радостно закричала Оля, – Нюся тоже смеется!

И, бросившись к ней, она кричала:

– Нюсечка, миленькая, а-гу, а-гу!

Нюся сначала испуганно шарахнулась от нее, но потом просветлела и открыла свой беззубый ротик до ушей.

И чем больше визжала и прыгала Оля, тем больше откры-

вала Нюся ротик, издавая звуки захлебывающегося блаженства.

– Петя, вы что так, не раздевшись, сидите? – спросила Варвара.

Петя мельком взглянул на кормилицу, но, не выдержав ее взгляда, отвернулся и ничего не ответил.

Варвара сказала, хлопая Нюсю по пухлой ножке:

– Ну, попила... – и обратилась к вошедшей Агаше: – Подержи-ка ее.

Агаша вытерла об полы своей юбки руки, сперва проведя их ладонями вниз, а потом перевернув ладони вверх, и, взяв Нюсю, потянулась к ней губами. Нюся, открыв ротик, схватила сразу обе ее губы и начала сосать их, а Агаша тянула:

– О-о!

Передав Нюсю Агаше, Варвара, не спеша, оправилась, еще раз посмотрела на Петю, и, закусив нижнюю губу, так что сверкнули ее красивые белые зубы, вышла из комнаты.

– Ты что не раздеваешься? – спросила мать, выходя из спальни.

– Я пойду погоняю немного голубей.

– Лег бы лучше.

– Нет: на воздухе голова скорее пройдет.

– Идем скорей! – радостно закричал Федя, вскакивая на ноги. – Петя голубей будет гонять!

– Голубей гонять, голубей гонять! – кричала Оля.

– Так нельзя идти: платками обвяжитесь, – сказала мать. –

Маня, завяжи им платки.

– Сейчас кончу, мама, – ответила Маня, укладывая вымытого и обернутого в тряпку котенка на свою кровать.

Затем она принялась укутывать детей в платки. Петя в это время уже вышел.

В передней проходившая Варвара хотела было его схватить, но он ловко увернулся, сердито крикнув ей:

– Убирайся!

– Ну, хорошо же! – лукаво шепнула ему вдогонку Варвара.

Петя быстро прошел к сараю, взлез по деревянной лестнице на крышу и привычной походкой направился по наклонной крыше к слуховому окну, где был устроен его голубятник.

Он отворил дверцы и заглянул внутрь. Голуби, по обыкновению, кружась, о чем-то сердито сообщали голубкам, а те напряженно слушали, вытягивая шейки, склоняя головки и с любопытством заглядывая то с одной, то с другой стороны на своих повелителей.

Петя отстранился, и голуби стали один за другим выходить чрез открытую дверку на устроенный для них балкончик. В голубятне оставались только птенцы и сизая голубка на яйцах.

Петя осторожно протянул руку и, сняв голубку с гнезда, перенес и ее на балкончик. Затем он запер дверку, взял в руки тут же лежавший на крыше длинный шест с привязанной на конце тряпкой и поднял его. Голуби вспорхнули и разле-

телись по крыше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.